

DOI 10.23859/1994-0637-2018-1-83-8

УДК 82-192

© Гавриков В.А., 2018

Гавриков Виталий Александрович

Доктор филологических наук, профессор,
Брянский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации

(Брянск, Россия)

E-mail: yarosvettt@mail.ru

Gavrikov Vitaliy Aleksandrovich

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Bryansk branch of The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the

Russian Federation

(Bryansk, Russia)

E-mail: yarosvettt@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО
ВИДЕНИЯ» И КОНЦЕПЦИЯ
«ЗЕРНА-СОЗРЕВАНИЯ»
В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ
АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА**

**THE CONCEPT "NEW VISION" AND
THE CONCEPT "GRAIN-
MATURATION" IN THE POETIC
WORLD OF ALEXANDER
BASHLACHEV**

Аннотация. Творчество Александра Башлачева отличается сугубым вниманием к внутренней форме слов, что связывает его метод с художественным почерком Пастернака, позднего Мандельштама, Хлебникова. В статье рассматриваются две взаимосвязанные концептуально-мотивные сферы, которые можно назвать «концепция особого видения» и «концепция зерна-созревания». Для того, чтобы увидеть в словах их сакральное древнее единство (пробыться к мистическому первоязыку), поэт широко использует игру с паронимами, омонимами, омографами, ложную этимологизацию.

Abstract. It is generally agreed that Alexander Bashlachev is the best poet of Russian rock. His works are characterized by a particular attention to the inner word form, and it associates his method with the artistic style of Pasternak, the late Mandelstam, and Khlebnikov. The article deals with two interrelated concept-motif spheres that can be named as "New Vision Concept" and "Grain-Maturation Concept". In order to see the sacred ancient unity in the words (to get to the mystical proto-language), the poet plays on paronyms, homonyms, homographs, and false etymologization. This method allows Bashlachev to build a complex structure of lexical interactions, formed on commonality or similarity of both a sound (first and foremost, of the roots), and semantics.

Ключевые слова: Александр Башлачев, концепция «зерна-созревания», концепция «нового видения», паронимы, омонимы, ложная этимология

Keywords: Alexander Bashlachev, "New Vision Concept", "Grain-Maturation Concept", paronyms, homonyms, false etymologization

Введение

Сегодня ему бы еще не было и шестидесяти, поэтому трудно сказать, насколько его творчество будет востребовано в большом времени. Но ясно одно – в русскоязычной песенной поэзии этот человек является одной из ключевых фигур. Более того, если нашу поэтическую песенность разделить на два больших течения – авторская песня («бардовская») и рок-поэзия – то безусловным поэтическим лидером второй будет именно Александр Башлачев. Его творчество оказало сильнейшее влияние

на таких звезд рок-н-ролла, как Шевчук, Гребенщиков, Дягилева, Летов, Кинчев, Цой... Удивительно единодушие представителей рок-искусства в оценке Башлачева: в один голос они называют его лучшим, талантливейшим и т.п. Но и «внешние» считают песни поэта самобытным явлением русской словесности. Так, поэзию Башлачева высоко оценили «старшие» классики, такие как Окуджава и Евтушенко. А.В. Чернов отмечает, что Башлачев с поражающей легкостью вошел в академическое изучение, даже удостоился школьной «рефлексии»: «Одним из самых удивительных, с моей точки зрения, явлений, связанных с поэзией Башлачева, было ее стремительное и практически бесспорное принятие сразу же после первых публикаций. Я имею в виду принятие текстов Башлачева именно как поэзии» [4, с. 3].

В феврале 2018 года исполняется тридцать лет со дня таинственной гибели поэта, которая может быть «прочитана» и как самоубийство, и как трагическая случайность. За эти три десятилетия о творчестве Башлачева написаны сотни статей, в том числе и более 100 научных, несколько монографий, защищено как минимум четыре исключительно «башлачевских» диссертации (первую из которых в 2007 году посчастливилось защитить автору этой статьи), тогда как практически в каждой обзорной диссертации о поэзии русского рока без Башлачева дело не обходится. Я уже не говорю о всяческих фестивалях памяти поэта, выставках, музеях, памятных досках и «назревающих» памятниках в Санкт-Петербурге и Череповце...

О художественном методе Башлачева написано уже немало. Среди ученых, внесших заметный вклад в «башлачеведение» (или «башлачевистику»?), можно назвать С.В. Свиридова, С.С. Шаулова, А.Н. Ярмо, Ю.В. Доманского, Д.И. Иванова, А.С. Иванова. Неоднократно говорилось об особом чувстве слова у поэта, его впечатляющих экспериментах с языковым материалом, например, вот что отмечает С.С. Шаулов: «Башлачев, может быть, довел до предела способность русского языка к звуковой игре, его тексты обладают сложным и очень упорядоченным фонетическим рисунком, который еще ждет своего истолкования» [5, с. 85].

С.В. Свиридов называет метод Башлачева «иррациональным потебнианством», указывая, что «в отличие от рационального и научно основательного Потебни, Башлачев часто опирается на ложную этимологию, домысливая словам такие диахронические “связи”, которые жидутся порой на едва заметной паронимии» [3, с. 60]. Для чего же поэт это делает? Это лишь игра в слова или что-то большее? «Башлачев пересматривает отношения внутри языкового знака, стремится изменить онтологический статус слова, проникнуть через толщу знака к денотату и прикинуть к самой сущности» [3, с. 59]. И сущность эта интенционально мистична, ведь Бог, как сказано в Евангелии от Иоанна, есть Слово.

Мне хочется вернуться к вопросу о творческой манере Башлачева и на примере двух взаимосвязанных концептуально-мотивных сфер показать, насколько виртуозен Башлачев в своих филологических прозрениях, насколько он глубоко был погружен в стихию словесных смыслов. Трудно подобрать терминологически корректное обозначение этих сфер, в которых сошлись изощренная поэтическая фоника и переливы смыслов, жидущиеся на омонимии и полисемии, паронимические аттракции и ложная этимологизация, мотивно-сюжетная структура и образный строй. Рискну назвать их так: «концепция особого видения» и «концепция зерна-созревания». Эти две «концепции» сходятся на одном слове, но прежде чем его назвать, я рассмотрю особенности этих двух концептуально-мотивных сфер.

Основная часть

Видение. Особая богоданная способность видеть и замечать истинную суть вещей, по Башлачеву, это с одной стороны, прерогатива поэта-пророка («Когда в том,

что есть, видишь что почем», «Вечный пост»); с другой, свойство, которое обретается в смерти и во время окончания этого мира – то есть во время Апокалипсиса. Эти два смысла соединены в цитате из песни «На жизнь поэтов»: «Поэты идут до конца. И не смейте кричать им: “Не надо!” // Ведь Бог... Он не врет, разбивая свои зеркала». То есть поэт не только видит божью правду, но и отражает ее...

Приведем еще цитату, касающуюся уже загробного бытия: «Часовой всех времен улыбнется: “Смотри!” // И подымет мне веки горячим штыком» («Посошок»). Этот фрагмент относится одновременно и к смерти, скажем так, отдельного человека, и к Апокалипсису. Первый аспект явлен в тексте эксплицитно: смерть лирического субъекта – главная тема произведения.

Что же касается Конца света, то этот аспект требует пояснения. Часовой всех времен – явно персонаж, связанный, в том числе, и с окончанием этих временем (раз уж он «отвечает» за все). А значит, в его ведении и Апокалиптическое время, которое у поэта названо Временем Сбора Камней.

«Смотрение» по Башлачеву связано с «говорением», точнее – с песенным даром. Только тогда можно увидеть истинную суть вещей, когда ты находишься в состоянии вдохновения (то есть, по-библейски, «в Духе»): «Завяжи мой влас песней на ветру! // Положи ей властью на имена! // И я пойду смотреть, как твою сестру // Кроют сваты в темную, в три бревна» (в списках Башлачева именно раздельно – «в темную»). Башлачевские поздние песни нельзя сводить к «одномерным» интерпретациям. Держа это в уме, я все же рискну «пересказать» данное четверостишие. Суть его в том, что после обретения поэтического (песенного) дара («завяжи мой влас песней») лирический субъект уже может идти смотреть на что-то сакральное, мистическое.

Несмотря на то, что в авторизованной распечатке весны 1986 года местоимение написано со строчной буквы («твою сестру»), речь однозначно идет об обращении к Богу (таков контекст всей песни). Лирический субъект просит дать ему особый дар слова-видения, после чего он уже сможет погрузиться в сакральную стихию русских смыслов: «твоя сестра», то есть сестра божия, это в первую очередь – Россия.

Иногда о своем особом видении лирический субъект Башлачева говорит как о состоявшемся факте («В чистом поле – дожди...»): «В чистом поле – дожди косые. // Да мне не нужно ни щита, ни копыя. // Я увидел тебя, Россия. // А теперь посмотри, где я». Есть все основания полагать, что речь здесь идет главным образом не о том, что лирический субъект прошел с котомкой по всем просторам Отечества (хотя и не без этого), но о мистическом приобщении к сокровенным тайнам России. Он увидел ее духовными очами, проник в потаенную стихию русских смыслов. Обратим, кстати, внимание и на то, что новое зрение опять связывается с образом родной страны.

Еще цитата, где сплавлены видение и понимание: «Увидимся утром, тогда ты поймешь все сама» («Когда мы вдвоем»). В поэзии Башлачева данное время суток – это знак Апокалипсиса, в сюжетных песнях певца смерть, окончание или эсхатологическое обновление мира происходят именно утром. То есть «пересказать» смысл фразы можно так: наступит конец света, падут покровы и люди, события и т.д. явят свое истинное значение – и «будут по себе нас судить зеркала» («Имя Имен»), а ведь, как выше сказано, зеркала божии суть поэты... Церковь, кстати, называет смерть человека личным Апокалипсисом, так как после ухода в мир иной совершается первый, частный суд над душой. И лишь в конце времен будет общий Суд.

Ну и последнее: адресат высказывания в песне «Когда мы вдвоем» – женского рода («поймешь все сама»). Понятно, что это не обязательно Россия, и все же такой ход мысли выглядит вполне логичным. Таким образом, именно Россия, «русский

дух» – проводник к мистическим тайнам, которых взыскует лирический герой Башлачева.

Созревание. Теперь рассмотрим второй важный для нас пучок смыслов, связанный с такой метафорой, как «человек – колос». Очевидно, этот образ заимствован Башлачевым из Евангелия, из притчи о сеятеле. Да и вообще Христос часто сравнивает добрых и благочестивых людей (и Себя тоже) с пшеницей и зерном, а злые люди – плевелы или пустая солома.

В этой связи в поэтической системе Башлачева обретение особого мистического (поэтического) видения может быть соотнесено с созреванием колоса. При этом выше речь шла не о самостоятельном обретении нового зрения, но о просьбе к Богу о даровании этого таланта. Человек-колос также «посеян» не сам, а кем-то, об этом поется в песне «Как ветра осенние»: «Как ветра осенние жали – не жалели рожь, // Ведь тебя посеяли, чтоб ты пригodiлся...».

В песне «Сядем рядом» также интерпретируется библейский образ зерен – соломы: «Нить, как волос, // Жить, как колос, // Размолотит колос в дух и прах один цепной удар...». Правда, здесь речь идет не о плохих и хороших людях, а о двух составляющих человека: прах и дух (дух в контексте равен душе). Эта антитеза «защита» в удивительный звуковой образ: сочетание «размолотить в дух и прах» явно соотносится с устойчивым выражением «разбить в пух и прах». Заменяв лишь одну букву, Башлачев производит своеобразную смысловую детонацию.

Отметим и образ нити-волоса, который можно сопоставить с рассмотренным выше образом завязанного волоса («завяжи мой влас песней на ветру»). Волос, нить – это слова, которые в поэтической системе Башлачева являются, условно говоря, «заменителями» струны. То есть образуют единый ассоциативно-метафорический ряд: «Я иду на звон струны из твоей косы» («Пляши в огне»). Есть еще примечательная цитата («Когда мы вместе»): «Намотай на ус, // Намотай на ус на волос, // Зазвени не в бусы – в голос, // Нить – не жила, не кишка, // да не рвется, хоть тонка». Здесь очевидна связь все тех же волоса, нити, струны и друг с другом, и со стихией творчества. Все эти «линейные сущности» – своеобразные носители информации («намотай на ус»), причем творческой информации. В песне «Пляши в огне» Башлачев особым образом «инвертирует» известный фразеологизм, наделяя его совершенно иным смыслом: «С ниточки по миру отдам, значит сберегу». Нить (струна) как носитель информации очень, скажем так, вместительна (вбирает в себя целый мир).

О связи зерна и творчества говорит и сам Башлачев в интервью: «Я хотел бы найти свою борозду, бросить туда зерно своего представления о тех или иных вещах, происходящих вокруг меня. И чтоб зерно дало росток... Если я брошу свое зерно, и оно даст всходы, и будет не одно зерно, а – сколько там в колосе зерен, десять, или тридцать, или пятьдесят, – я считаю, что прожил не зря» [2, с. 565]. Колос, который внешне похож на гитару и на нить, встраивается в образные цепочки, связанные с творчеством. Так, нить-струна-волос-ус сопрягаются с зерном в песне «Сядем рядом»: «Строгим ладом, тише, тише, // Мы переберем все струны да по зернышку». Здесь комментарии излишни.

Наконец, укажу, что два рассмотренных концептуальных пучка – созревание и новое видение – соединены целым рядом окольных соответствий. Например: стихи, по Башлачеву, это и посох и костыли: «А мне, похоже, опять до рассвета по снегам ковылять, // С костылями стихов – такое ремесло» («Зимняя сказка»), «Подари мне посох на верный путь! // И я пойду смотреть...» («Вечный пост»). Обратим внимание, что поэт «со стихами ковыляет» до рассвета, который тоже может быть рассмотрен в контексте иного видения. Таким образом, «транзитом» через стихи-костыли-посох (а посох и стило здесь, видимо, одно и то же) зерно-творчество-стихи

сопрягаются с видением. Подобных окольных связей можно найти больше, но я хочу остановиться на прямом их соотношении.

Узловое слово. В песне «Вечный пост» есть цитата: «Я узрел не зря». Она содержит два смысловых пласта. С одной стороны, лексема «узрел» имеет значение «увидел». С другой, «узрел» – производное от корня «зреть» со значением суффикса «со», то есть «созрел». Таким образом, для Башлачева увидеть высшую истину (прозреть) то же, что и созреть, «живя как колос». А созреть – значит дожидаться жатвы, под которой и в Библии, и у Башлачева понимается Конец света.

Как, к тому же, трактовать фразу: «Я узрел (.) не зря»? Увидел недаром? Или увидел, не видя? Или созрел, не видя? Или созрел недаром? На версию «узрел – созрел» работает и контекст строки: «Я узрел (.) не зря. Я боль яблока». Яблоко здесь может быть соотносено и с глазным яблоком. Но и в не меньшей степени лексема «яблоко», сочетаясь с глаголом «зреть», работает на «созревание».

В той же песне есть важная в этом контексте фраза: «Сердце, летящее с яблони». Сердце и яблоко (яблоневый листок?) кажутся связанными чисто визуально. Можно смело предположить, что яблоко-сердце падает, так как оно созрело, то есть «узрело». Соответственно, «я боль яблока» равно «я боль сердца», а ведет меня к боли – и мое новое зрение («я узрел»), и зрелость («я узрел»). Как тут не вспомнить боль сестры-России, которую «кроют сваты в темную, в три бревна» и которую также нужно увидеть особым зрением («пойду посмотреть...»).

Из «яблока» к тому же вычленяются два этимологически обособленных образования: «ябл-», то есть, если представить с редуцированным, – «ябъл» (то же самое, что и «я боль»), а также «-ока» от «око» («я боль ока»). А «око» семантически соотносится с «узрел» (увидел) и «не зря» (не видя), а также с глазным яблоком, о чем уже сказано.

К слову, наполнено яблоко-сердце не соком, а кровью, что Башлачев запечатлел запоминающейся формулой «не в квас, а в кровь» (очевидны переклички с фразеологизмом «не в глаз, а в бровь»): «...Отнесу ей сердце, летящее с яблони. // Пусть возьмет на зуб, да не в квас, а в кровь. // Коротки причастия на Руси» (та же песня). Примечательна и строка о причастии. Возможно, и здесь поэт стремится к полисемии: «причастие» – это и церковное причастие, и часть речи. В первом случае образ встраивается в евангельский контекст, в котором смыкаются вкушение тела-хлеба (самая показательная в этом контексте песня Башлачева «Тесто») и сердца-яблока. В сочетании с фразой «не в квас, а в кровь» евхаристическая картина обретает полноту.

В этом образе вкушения сердца-яблока есть удивительное совпадение с тем, что произошло в VIII веке в городе Ланчано (Италия). Священник, сомневавшийся в истинности таинства причастия, молился, чтобы его сомнения были рассеяны. И вот во время одной из литургий в момент освящения хлеб превратился в плоть, а вино – в кровь. Церковь сохранила эти святыни, причем они не подверглись тлению в течение более чем тысячелетия. Современные исследования показали, что таинственная плоть – это часть человеческого сердца. Трудно сказать, знал ли Башлачев о ланчанском чуде, скорее не знал, но на фоне этого события весь образный ряд из песни «Вечный пост» (да и других башлачевских композиций) представляется удивительно гармонизированным.

И более того, вкушение от яблока есть прозрачная отсылка к первому греху, который совершили Адам и Ева, искушенные змеем в райском саду. Церковь нередко именует Христа Новым Адамом, а, значит, второе евхаристическое вкушение от плоти-яблока происходит как будто для того, чтобы загладить вину первого греховного вкушения от яблока познания добра и зла? И в этом таинстве Христос как бы

мистически сопрягается с лирическим субъектом – поэтом, который есть не само яблоко, а лишь боль яблока. Как тут не вспомнить слова из башлачевской песни «На жизнь поэтов»: «Не жалко распять, для того, чтоб вернуться к Пилату. // Поэта не взять все одно – ни тюрьмой, ни сумой» (вероятно, формулу «Христос – поэт» Башлачев заимствовал из песни Высоцкого «О фатальных датах и цифрах»).

Выводы

Башлачев, безусловно, один из самых тонко чувствующих слово поэтов, с которым в этом могут сравниться, на мой взгляд, лишь Хлебников, поздний Мандельштам и Пастернак. Собственно, певец и сам говорит о своем пристрастии к внутренней форме слова: «Я на уровне синтаксиса как-то уже перестал мыслить, я мыслю (если это можно так назвать) на уровне морфологии: корней, суффиксов, приставок. Все происходит из корня» [1, с. 599]. Башлачев называет корень слова – сакральным, эдаким глубинным смысловым двигателем речи: «Это только кажется, что существует контекст слов, на самом деле речь идет о контексте корней» [1, с. 600].

Важно и то, что Башлачев идет дальше своих предшественников. Он виртуозно работает с идиомами, переосмысляя их, проводя деконструкцию и смешение. Такое внимание к фразеологии стало фирменным знаком его поэзии. Не менее важным оказывается и аспект, который остался за рамками настоящей статьи – эксперименты Башлачева со звучащим словом, в первую очередь – с омофонами, которые встраиваются в смысловые и фонетические цепочки традиционных (письменных) паронимических аттракций. В этом аспекте поэт кажется поистине непревзойденным мастером. Но это – темы для отдельного разговора.

Литература

1. Башлачев А. Интервью Андрею Бурлаке // Наумов Л. Александр Башлачев: человек поющий. М., 2017. С. 596–602.
2. Башлачев А. Интервью Борису Юхананову и Алексею Шипенко // Наумов Л. Александр Башлачев: человек поющий. М., 2017. С. 556–583.
3. Свиридов С.В. Магия языка. Поэзия А. Башлачева. 1986 г. // Русская рок-поэзия. Текст и контекст. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 57–69.
4. Чернов А.В. Проблема традиционности в поэзии А. Башлачева // Рок-поэзия как социокультурный феномен: Сборник научных статей. Череповец, 2000. С. 3–5.
5. Шаулов С.С. Вечный пост Александра Башлачева: опыт истолкования поэтического мифа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 70–85.

References

1. Bashlachev A. Interv'iu Andreiu Burlake [Interview to Andrei Burlaka]. Naumov L. *Aleksandr Bashlachev: chelovek poiushchii* [Alexander Bashlachev: a man singing]. Moscow, 2017, pp. 596–602.
2. Bashlachev A. Interv'iu Borisu Iukhananovu i Alekseiu Shipenko [Interview Boris Yukhananov and Alexei Shipenko]. Naumov L. *Aleksandr Bashlachev: chelovek poiushchii* [Alexander Bashlachev: a man singing]. Moscow, 2017, pp. 556–583.
3. Sviridov S.V. Magiia iazyka. Poeziia A. Bashlacheva. 1986 g. [The magic of language. A. Bashlachev's poetry. 1986]. *Russkaia rok-poeziia: tekst i kontekst* [Russian rock poetry. Text and context]. Tver, 2000, no. 4, pp. 57–69.
4. Chernov A.V. Problema traditsionnosti v poezii A. Bashlacheva [The Problem of Tradition in A. Bashlachev's Poetry]. *Rok-poeziia kak sotsiokul'turnyi fenomen* [Rock Poetry as a Socio-Cultural Phenomenon]. Cherepovets, 2000, pp. 3–5.

5. Shaulov S.S. Vechnyi post Aleksandra Bashlacheva: opyt istolkovaniia poeticheskogo mifa [Eternal post of Alexander Bashlachev: experience of interpretation of poetic myth]. *Russkaia rock-poeziia: tekst i kontekst* [Russian rock poetry. Text and context]. Tver, 2000, no. 4, pp. 70–85.

Для цитирования: Гавриков В.А. Концепция «Нового видения» и концепция «зерна-созревания» в поэтическом мире Александра Башлачева // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №2 (83). С. 63–69. DOI 10.23859/1994-0637-2018-1-83-8

For citation: Gavrikov V.A. The concept “New vision” and the concept “grain-maturation” in the poetic world of Alexander Bashlachev. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 2 (83), pp. 63–69. DOI 10.23859/1994-0637-2018-1-83-8